

УДК 811.512.142

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2022-4-108-125-133

Лексико-семантические и словообразовательные особенности географических названий Балкарии и Карачая, образованных с помощью физико-географического апеллиатива *баш* 'верховье', 'вершина'

Б. А. Мусуков

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. Статья посвящена полиаспектному исследованию карачаево-балкарских топонимических моделей, образованных с помощью физико-географического апеллиатива *баш* 'верховье', 'вершина', анализу лексико-семантических, словообразовательных особенностей субстантивного компонента определительных словосочетаний описательного типа, изафетных конструкций. Рассматриваются вопросы, связанные с употреблением названий частей тела человека – по сходству для обозначения физико-географических объектов. В работе обращается внимание на проблемы, сопряженные с морфологизацией определительных и изафетных тополексем; на интерпретацию топонимов, созданных на основе личных имен; на связь топонима как единого целого с факторами, лежащими в основе образования физико-географических наименований.

Ключевые слова: тополексема, апеллиатив, географические названия, описательные выражения, топонимическая система, изафетная конструкция

Поступила 04.08.2022, одобрена после рецензирования 11.08.2022, принята к публикации 12.08.2022

Для цитирования: Мусуков Б. А. Лексико-семантические и словообразовательные особенности географических названий Балкарии и Карачая, образованных с помощью физико-географического апеллиатива *баш* 'верховье', 'вершина' // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022 № 4 (108). С. 125–133. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-4-108-125-133

Scientific article

Lexico-semantic and word formation peculiarities of Balkaria and Karachay geographical names formed using the physical-geographical appellative *bash* 'upper', 'top'

B.A. Musukov

Institute for Humanitarian Researches -
branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article is devoted to a multi-aspect study of the Karachay-Balkar toponymic models formed with the help of the physical-geographical appellative *bash* «upper», «top», the analysis of the lexical-semantic, word-formation features of the substantive component of attributive word combinations of a descriptive type, isafet constructions. It deals with issues related to the use of the names of parts of the human body - by similarity to designate physical and geographical objects. The paper draws attention to

the problems associated with the morphologization of attributive and isafet topolexemes, the interpretation of toponyms created on the basis of personal names, the connection of the toponym as a whole with the factors underlying the formation of physical and geographical names.

Key words: topolexeme, appellative, geographical names, descriptive expressions, toponymic system, isafet construction

Submitted 04.08.2022,

approved after reviewing 11.08.2022,

accepted for publication 12.08.2022

For citation: Musukov B. A. Lexico-semantic and word formation peculiarities of Balkaria and Karachay geographical names formed using the physical-geographical appellative bash 'upper', 'top' // *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2022. No. 4 (108). Pp. 125–133. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-4-108-125-133

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, как и раньше, в тюркологических исследованиях, посвященных актуальным проблемам физико-географических названий, связанных с апеллятивной лексикой карачаево-балкарского языка, рассматриваются синтаксические конструкции, образованные в результате как аффиксации, так и словосложения. К их числу относятся основы, созданные с помощью линейной единицы морфологии *баи* 'верховье', 'вершина'. Топонимическая лексика представляется как синхронный срез, имеющий в основном описательный или ассоциативный характер. Номенклатурные термины раскрывают не только ландшафтные особенности местности, но и условия жизни носителей карачаево-балкарского языка.

Обозревая стратиграфические схемы исконно собственных карачаево-балкарских географических имен, составляющих современную ономастическую систему в региональном плане, следует обратить внимание на то, «что при всем несовершенстве „зоологические“, „ботанические“ и иные классификации дают не менее ценный материал для лингвистики, чем изучение аффиксов, а в общелингвистическом плане даже более ценный, так как позволяют выяснить основные принципы топонимической номинации и установить объем топонимической лексики и ее характер» [1, с. 47–48]. Рассматривая лексико-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов со словом *баи* 'верховье', 'вершина', следует обратить внимание на то, что основной особенностью словарного состава является преобладание лексики с конкретным значением.

Определенную группу топонимов составляют географические названия, семантически связанные со словом *суу* 'вода', названиями водных источников. Все слова, входящие в эту группу, создают семантическое поле, имеющее связь не только со словом 'вода', но и обозначениями различных водных объектов.

На карачаево-балкарском материале с особой ясностью проявляется связь экстралингвистических и языковых явлений, влияние факторов материальной и духовной культуры на формирование топонимии. В этой связи, например, небезынтересны данные, приводящиеся в современных научно-теоретических работах, посвященных топонимии, в которых актуализируется тот факт, что в различных номинациях местностей отражаются представления этнического коллектива о фундаментальной способности человека различать в предметах, явлениях окружающего мира их наиболее значимые признаки [2].

Слово *баи* как фонетический вариант, как общетюркская лексема в карачаево-балкарском языке участвует в словообразовательных процессах топонимических конструкций по двум моделям: 1) по словосложительной модели, когда для обозначения географических объектов употребляются названия частей тела человека – по сходству; 2) по деривационной модели, когда в результате морфологизации субстантивной основы, т. е. наращивания аффиксов (*-лы, -ы, -ны*) образуется конструкция с обобщенно собирательным значением.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Географические названия Карачая и Балкарии, связанные со словом *баи* 'голова', 'начало', 'верховье' в виде свободных и лексикализованных словосочетаний, привлекают в последнее время все больше внимания ученых-тюркологов различных регионов [3, 4]. Интерес этот не только лингвистический, связанный с изучением карачаево-балкарского языка и его диалектов. Географические названия, образованные коренным населением Карачая и Балкарии, отражают многие стороны самобытной культуры и языка древних балкарцев и карачаевцев. Поэтому анализ топонимических названий обычно рассматривается как часть комплексного изучения и приводится в общем плане в связи с исследованием истории этнографии и географии.

Карачаево-балкарский язык, относящийся к агглютинативному типу языков, весьма разнообразен как по лексическому составу, так и по грамматическому строю. По лингвистической классификации относится к суффиксальной группе языков. Для него характерна инкорпорация – включение субъекта и объекта в глагольную форму; порядок слов отличается наличием устойчивых особенностей – дополнение стоит перед глаголом, определение после определяемого. Существует развитая система – система окончаний, применяемая для выражения категорий времени, наклонения, числа, падежа. Временные формы служат для обозначения различных оттенков конкретных действий. Широко представлены как слова, обозначающие конкретные предметы, так и абстрактные понятия. Например, при наличии большого количества названий для разных пород животных употребляются слова, обозначающие как домашних животных – *юй хайыуан*, так и диких – *кийик хайыуан*.

При всем лексическом разнообразии карачаево-балкарского языка имеется определенный слой лексики, повторяющийся на территориях тюркоязычных регионов. Количество слов общего словаря еще не подсчитано, но оно, по свидетельству исследователей, значительно. Общие корни обнаружены в словах, обозначающих названия растений, животных, птиц, термины родства, соматические части тела. Районы распространения названий растений, животных, птиц шире, чем районы распространения остальных терминов, повторяющихся реже. Еще больше индивидуализированы слова, обозначающие географические особенности местности (рельеф, ландшафт), узко локализованные и не повторяющиеся в других языках. Многие особенности карачаево-балкарского языка накладывают отпечаток на топонимию и определяют ее своеобразие. Диахронически в карачаево-балкарской топонимии выделяются четыре пласта: 1) топонимы, созданные на базе общетюркской интегрирующей лексики; 2) топонимы, созданные на базе собственной лексики карачаево-балкарского языка; 3) топонимы, созданные на базе субстратной (заимствованной) лексики, взятой из соседних языков или арабо-персидского пласта; 4) топонимы, созданные на базе гибридной лексики, т. е. одна из двух или трех частей сложных физико-географических названий является собственно карачаево-балкарским материалом, остальные – заимствованными.

«Тюркские топонимы очень часто или даже в большинстве случаев двусоставные – образованы в результате сложения двух основ. При этом первый компонент преимущественно, но не всегда, является именем прилагательным, а второй служит нарицательным географическим термином, многократно повторяющимся в других физико-географических названиях. К числу таких слов относятся основы, обозначающие названия оронимических и гидронимических объектов, образованных от соответствующих апеллятивов: *таиш* 'камень', *суу* 'вода', *суу* 'река', *кёл* (коль) 'озеро', *тау* 'гора', *сырт* 'перевал'. Происхождение географических названий можно объяснить, прибегая к семантике исходного апеллятива, состоящего из двух знаменательных частей речи: имени прилагательного и имени существительного» [5, с. 81].

Большинство древних карачаево-балкарских названий имеют локализованное употребление в зависимости от ландшафтных особенностей той или иной местности и зафиксированы на картах. Однако, с другой стороны, в карачаево-балкарской топонимии могут встречаться вышедшие из употребления формы названий. Очевидно стремление многих исследователей-топонимистов восстановить и оградить от забвения эти термины.

Трудности, возникающие перед исследователями карачаево-балкарской топонимии, определяются рядом факторов как языкового, так и внеязыкового характера.

К ошибочному определению значения топонима приводит в некоторых случаях отсутствие прозрачной семантики односложной основы или двух- и трехкомпонентных словосочетаний. В таких конструкциях чаще всего один из компонентов может представлять собой субстратную единицу.

Основная сложность чисто языковой интерпретации заключается в том, что в карачаево-балкарском языке в некоторых случаях отсутствует четкая грань между именами собственными – топонимами и именами нарицательными – географическими терминами. Апеллятивы и описательные выражения, которые использовались местным населением для обозначения физико-географических объектов, в дальнейшем воспринимались как имена. Обозначения, употреблявшиеся карачаевцами и балкарцами в разговорной речи, в повседневном общении, еще не стали именами собственными в полном смысле слова, т. е. не выделились в особую самостоятельную лексическую группу. Статус имен собственных им был придан в процессе дальнейшего языкового развития.

Древнюю карачаево-балкарскую топонимию можно представить как синхронный срез, где отмечаются характеристики, в которых легко просматриваются исторические пласты.

Картина, создаваемая географическими названиями, которые в основном имеют описательный или ассоциативный характер, раскрывает условия жизни карачаевцев и балкарцев, ландшафтные особенности местности, природы, флоры, фауны, быт и обычаи. На современной карте Карачая и Балкарии собственные географические названия в основном относятся как к большим, так и к небольшим населенным пунктам. Как и в ряде других свойств морфологического и семантического характера, проявляется сходство карачаево-балкарской топонимии с общетюркской, образованной на основе интегрирующей лексики.

Карачаево-балкарские топонимы весьма разнообразны по морфологической структуре. Распространенный способ образования географических названий – употребление нарицательных имен существительных в именительном падеже, как и в топонимии других языков, например: *Баш-ат-джол*, местн. и дорога на юго-востоке аула Сынты в Карачаево-Черкесии; *баш* “верхний”, *ат* “лошадь”, *джол* “дорога”; *Баш-батыр-къяя*, скала на юго-западе местн. *Батыр-кая*; *баш* “верхний”, *батыр* “смелый”, *къяя* “скала”; *Баш-гымыхла*, местн. на лев. бер. р. Ч.-Без.; *гымых* “лысый”, “низкий”; *Баш-илипин*, оросит. канал и местн. в верх. части аула Хурзук; *илипин* “канал”; *Баш-къяулакъла*, балка в дол. р. Жылгы, в бас. р. Чегем; *баш* “верхний”, *къяулакъ* “балка”; *Баш-къяшлыкъ*, местн. на прав. бер. р. Басхан; *баш* “верхний”; *къяшлыкъ* “зимовье”; *Баш-сюек*, пещера на лев. бер. р. *Байтал-Ёльген* (бас. р. Малки); *баш сюек* “череп” [6, с. 124].

На современной карте Карачая и Балкарии встречается 371 название с компонентом *баш*, в наименованиях тринадцати населенных пунктов компонент *баш* ‘верхний’, ‘верховье’ употребляется в препозиции. В качестве второго компонента слово *баш* употребляется в 205 географических названиях. В 196 топонимических единицах слово *баш* выступает как постпозиционный замыкающий компонент, с которым основы других частей речи не сочетаются, хотя гипотетически такая вероятность существует. В 121 географической единице слово *баш* употребляется как третий постпозиционный компонент, хотя не во всех случаях как замыкающий. Из них в 110 топонимах функционирует как финальная составляющая

часть географических названий. Их можно квалифицировать как повторяющиеся компоненты во многих названиях, обнаруживающих нарицательное значение и имеющих приемлемые толкования с позиций современных представлений.

Апеллятивы и описательные выражения, использовавшиеся первоначально в карачаево-балкарском языке для обозначения объектов, в дальнейшем воспринимались как физико-географические имена. Топонимические единицы с участием слова *баиш* 'верховье', 'вершина' формировались в мире топонимических систем, формировались с участием географических апеллятивов. Анализ структурных моделей карачаево-балкарских географических названий как часть их общей характеристики раскрывает морфологические особенности имени собственного, способствует уяснению его семантики и этимологии. Некоторые исследователи считают, что имя собственное с точки зрения лексикологии не несет семантической нагрузки и не является полноценным, так как обладает только номинативной функцией. Многие географические термины, обладая прозрачной семантикой, активно участвуют в формировании собственных имен, указывая на геоморфологические особенности называемого объекта.

В карачаево-балкарских топонимических системах преобладают сложные, главным образом двух-, трехкомпонентные конструкции, соответствующие двум основным синтаксическим единицам – определительному именному словосочетанию и глагольной конструкции. В именных словосочетаниях определение, выраженное именем прилагательным и существительным, всегда стоит в препозиции, за ним следует определяемое. Особенностью карачаево-балкарских географических названий является то, что перестановка компонентов словосочетания невозможна, так как при изменении устойчивого порядка слов меняется и смысл конструкции.

В карачаево-балкарских топонимах глагольного типа в соответствии с правилами синтаксиса подлежащее стоит впереди сказуемого, а глагольная конструкция как часть языкового материала приобретает особенности простого предложения.

Топонимическая система, отличаясь от общезыковой рядом своих особенностей, дает многое для понимания как языковых, так и экстралингвистических явлений и процессов.

В карачаево-балкарской топонимии физико-географические названия, связанные со словом *баиш* 'верховье', 'вершина', формируются по разным грамматическим конструкциям. Рассматривая наиболее обычные схемы словосочетаний, следует обратить внимание на модель «существительное + существительное», получившее название изафета. По существу, в этой модели топонимов выделяются три подмодели: I. Имя + имя в именительном падеже: *Ат-баиш-сюек*, местн. на прав. бер. р. Мушт на территории Карачая; *ат* "лошадь"; *баиш* "голова"; *сюек* "кость" (*баиш сюек* "череп") [6, с. 107]; *Джар-баиш-стауат*, стойбище на лев. прит. р. Учкулан (безводный) у с. В. Учкулан; *джар* "обрыв", *баиш* "верховье", *стауат* "стойбище" [6, с. 182]; *Тешикле-баиш*, вершина в верх. течении р. Ак-суу близ Нальчика; *тешикле* "дыры", *баиш* "верховье" (букв. 'дырявое верховье') [6, с. 347]. II. Имя + имя с аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч. **-ы**: *Агъач баишы*: 1) река в бас. р. Ч.-Балк.; 2) местн. на лев. бер. р. Ч.-Без. выше источника Тыжынты; 3) местн. в верх. р. Кубань у аула Карт-Джурт; 4) местн. в бас. р. Джалпак-Кол, прав. прит. р. Гондарай в бас. р. Учкулан; 5) местн. на лев. бер. р. Махар, левой составляющей р. Учкулан; 6) лес выше села О. Жемтала в бас. р. Сукан-суу; 7) гора (3184 м) в ист. р. Учкулан; 8) уроч. на прав. бер. р. Дуут; *агъач* "лес", *баиш* "верховье" [6, с. 72]; *Буу-баишы* верш. близ села Ташлы-Тала в Лескен. р-не; *буу* "олень", *баиш* "верховье" [6, с. 144]; *Дорбун-баишы*, местн. на лев. бер. р. Аксаут, *дорбун* "пещера", *баиш* "верховье" [6, с. 171]; *Джар-баишы*: 1) уроч. на лев. бер. р. Джэгетей на окр. аула Джангы-Джэгетей; 2) местн. в дол. балки Батдыланы-Кол в Учкуланском ущ.; 3) гора на лев. бер. р. Ч.-Балк. ниже устья р. Дых-суу, *джар* "обрыв", *баиш* "верховье" [6, с. 182].

III. Имя в родительном падеже + имя с аффиксом принадлежности: *Бугьойланы-башы*, верш. в верх. р. Уллу-Кам, *бугьойла* “ледники”, *баш* “верховье” [6, с. 141]; *Гочияланы-башы*, местн. на прав. бер. р. Кубань близ аула Карт-Джурт, *баш* “верховье”, *Гочиялары* – фамилия [6, с. 159]; *Къамишлини-башы-дунпур*, холм в верх. балке Камишли-Кол на лев. бер. р. Хасаут (Схауат), *къамишли* “камышовый”, *баш* “верховье”, *дунпур* “холм” [6, с. 231]; *Къошланы-башы*, местн. на лев. бер. р. Ч.-Без. в ее верх., *къошла* “кошары”, *баш* “верховье” [6, с. 257]. Во всех приведенных примерах первое из существительных выступает в функции определения. Можно было бы эти три классификационные единицы объединить в одну группу, но тогда нарушится единство второй модели: существительное + существительное.

Приводя конкретные примеры образования географических названий по модели изафета, следует обратить внимание на то, что оба слова топонимической конструкции остаются в именительном падеже.

При переводе значений компонентов сложных топонимов на русский язык сохраняются структурно-семантические особенности оригинала, в составе которого употребляется аффикс принадлежности *-ы*: *ат* “лошадь” + *баш сюек* “череп” (“лошадиный череп”); *джар* “обрыв” + *баш* “верховье” + *стауат* “стойбище” (“стойбище в верховье обрыва”); *тешикле* “дыры” + *башы* “верховье” (“дырявое верховье”); *агъач* “лес” + *башы* “верховье” (“верховье леса”); *буу* “олень” + *башы* “верховье” (“оленье верховье”); *дорбун* “пещера” + *баш* “верховье” (“верховье пещеры”); *джар* “обрыв” + *баш* “верховье” (“верховье обрыва”). Отличительной особенностью этой тюркской модели, когда первый компонент топонима – имя существительное – является то, что оно выступает в контекстуальном окружении в функции определения. Такие конструкции в русском языке не употребляются, так как в этих случаях неизбежен переход первой части наименования в прилагательное. Карачаево-балкарская модель *Чырпы-баш* (название вершины, хребта в Карачае), букв. мелкие ветки, ‘прутья’ + ‘верховье’ немислима в русском языке. Она может быть образована либо сочетанием ‘мелковетвистое верховье’, либо сложным словом с аффиксом.

Встречаются топонимические конструкции, в которых определение как первый компонент подвергается изменениям, т.е. может принять аффикс принадлежности во всех фонетических вариантах, к определяемому компоненту присоединяется местоименно-притяжательный аффикс *-ы*, например: *Сууулу-къол-башы* (название вершины в Балкарии), букв. *сууулу* ‘влажный, водянистый’, *къол* ‘балка’, *башы* ‘верховье’ [6, с. 329]; *Мыстылы-башы* (название урочища и горы в Карачае), букв. *мыстылы* ‘кислый’, *башы* ‘верховье’ [6, с. 290]; *Орёлю (Ёрёлю-башы)* (название вершины в Балкарии), букв. *ёрёлю* ‘вертикальный’, *башы* ‘верховье’ [6, с. 307]; *Тегенекли-башы* (вершина на лев. бер. р. Басхан над пос. Тегенекли), *тегенекли* ‘колючий’, *башы* ‘верховье’ [6, с. 343].

Аффикс *-лы/-ли* указывает на наличие чего-либо или на принадлежность к чему-либо. В трехкомпонентных конструкциях вторая часть представлена апеллятивом без аффиксов, например *Гаралы-къол-башы* (гора в бас. р. Теберды), букв. *гаралы* ‘имеющий минеральный источник’, *къол* ‘балка’, *башы* ‘вершина’. В географической терминологии употребляются зафиксированные препозиционные компоненты рассмотренных названий: *Мыстылы*, *Ёрёлю*, *Тегенекли*, однако значения нарицательных имен почему-то отсутствуют в лексикографических источниках карачаево-балкарского языка.

Среди топонимических названий Карачая и Балкарии, выступающих в изафетных формах, встречаются конструкции, в которых функцию препозиционного атрибутивного компонента выполняют и собственные имена – антропонимы, например: *Абай-башы* (вершина на лев. бер. р. Башиль-Аузу-суу в ист. р. Чегем), букв. *Абай* – имя собственное, мужское, используется в следующих значениях: ‘отец’, ‘батюшка’, *башы* ‘верховье’ [6, с. 67–68];

Алибек-баши (вершина на ГКХ в верх. р. Алибек в бас. р. Теберды), букв.; *Алибек* – и. собств., *баши* ‘верховье’ [6, с. 91]; *Гочияланы-баши* (местн. на прав. бер. р. Кубань близ аула Карт-Джурт), букв. *Гочиялары* – антропоним, *баши* ‘верховье’ [6, с. 159]; *Зекерия-баши* (гора в верх. р. Муху); букв. *Зекерия* – и. собств., *баши* ‘верховье’ [6, с. 200]. Некоторые из этих имен собственных встречаются в изафетных конструкциях карачаево-балкарской топонимии в параллельных рядах.

В топонимах, отдельные компоненты которых заимствованы из монгольских языков, возможен монгольский изафет, например: *Гидам-баши*, 1) река, лев. прит. р. Теберды; 2) озеро в верх. р. Гидам; 3) хр. и уроч. в междр. Теберды и Аксаута к юго-западу от аула В. Теберда.). По мнению Х.-М. И. Хаджилаева, название *гидам* происходит от монгольского *гудам* в значении ‘проход, коридор’. С течением времени название изменилось как *гудам* < *гыдам* < *гидам*. Таким образом, *гидам* свое название оправдывает – здесь имеется проход в соседнее ущелье *Аксаут*, а название *Гидам*, по-видимому, сохранилось со времен татаро-монгольского ига: к горным перевалам Кавказа монголы подходили не раз [6, с. 152].

Кроме того, в географической терминологии употребляются конструкции, первую часть которых составляют основы, заимствованные из арабского языка. Поэтому возможно функционирование арабского изафета, выступающего, например, в параллельном ряду: *Кяфар-баши*: 1) уроч. в верх. р. Кяфар; 2) селище (1927–1938 гг.); *баши* ‘верховье’ [6, с. 225].

Эти карачаево-балкарские географические названия оформлены конструкцией притяжательности, имеют не только описательный характер, но и содержательные особенности.

Препозиционное существительное, часто выступающее в роли определяющего прилагательного, может обозначать, как видно из рассмотренных примеров, вещество, материал: *къамиши* ‘камьши’, *къая* ‘скала’, *къоргъашиын* ‘свинец’, *нарат* ‘сосна’, *таши* ‘камень’, *агъач* ‘дерево’, *кукурт* ‘сера’; названия растений: *назы* ‘ель’, *тал* ‘ива’, *чынар* ‘чинара’, *тегенек* ‘шип, колючка, заноза, терновник’, *ишикилди* ‘брусника, черника’; животных: *аю* ‘медведь’, *ат* ‘лошадь’, *буу* ‘олень’, *тонгуз* ‘кабан’, *тай* ‘жеребенок’, *бугъа* ‘бык’; типы рельефа: *чат* ‘ложбина’, *джар* ‘обрыв’, *сырт* ‘возвышенность, плато’, *къая* ‘скала’, *къол* ‘балка’, *къулакъ* ‘балка’, *илипин* ‘канал’, *тахта* ‘терраса’, *ёзен* ‘долина, равнина’, *джалпакъ* ‘плоский’, *дорбун* ‘ущелье’, *тала* ‘поле’, *баши* ‘верховье’, *тюбю* ‘низовье’, *къобу* ‘неглубокая яма, котловина’, *къум* ‘песок’, *мырды* ‘болото’, *секиртме* ‘водопад’, *арыкъ* ‘канал’, *тёбе* ‘холм’, *къобу* ‘трещина, ущелье’, *чыран* ‘ледник’, *чучхур* ‘водопад’, *эки ара* ‘междуречье’; форму: *акъ* ‘белый’, *ариу* ‘красивый’, *бай* ‘богатый’, *къара* ‘черный’, *къызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, *тот* ‘ржавый’, *юзюк* ‘короткий’.

Модель третья: числительное + существительное *баши*. В ряде случаев в карачаево-балкарских географических названиях присутствуют числительные. Вопросы, связанные с этимологическим анализом числительных, рассматриваются в отдельных статьях, однако их участие в образовании топонимов остается в стороне. Материалы языка свидетельствуют о том, что числительные участвуют в наименовании номенклатурных единиц со словом *баши* ‘верховье’.

Иллюстративные словосочетания, тематически отобранные и повторяющие определенную информацию, конкретизируют как семантику нарицательного слова, так и номенклатурного термина, образованного от него.

Иллюстративная конструкция является наиболее яркой демонстрацией топонимического значения, отраженного в приведенных примерах: *Бешибашлары*: 1) жилой квартал в селе Джазлык; 2) уроч. на лев. бер. р. Дуут, лев. приток р. Кубань, в настоящее время рядом сохраняется «Домик лесника» [6, с. 130]. *Бешибаш* – антроп. (часть рода, ветвь Текеевых); *Тогъуз-кёл-баши*, гора в бас. р. Азгек (бас. р. Теберды), *тогъуз* ‘девять’, *кёл* ‘озеро’, *баши* ‘верховье’ [6, с. 353]; *Эки-ара-баши*, местн. выше уроч. Эки-Ара в Уччуланском ущ., *баши* ‘верховье’, *эки ара* ‘междуречье’ [6, с. 422].

С. Кудайбергенов отмечает, что «вторые компоненты сложных географических названий обычно представляют собой такие общие нарицательные слова, как вода, хребет и т.п., а первые компоненты, выраженные числительными, становятся количественными частными признаками по отношению к основному глагольному компоненту, содержащему общее значение. Общее нарицательное слово при помощи такого синтаксического способа образования становится собственным именем – топонимом» [7, с. 164].

Каждый топоним, отражающий какую-то реалию, отнесенный к определенному времени, обусловленный исторически, семантически мотивированный, обладает большой информационной емкостью. Убедительность этимологических значений зависит от числа семантически мотивированных толкований. Принцип топонимической номинации зависит от семантической мотивированности производящих основ и их этимологического анализа.

ВЫВОДЫ

Структурно-семантический анализ топонимических конструкций карачаево-балкарского языка со словом *баиш* 'голова', 'вершина', 'верховье', выступающих в виде свободных и лексикализованных словосочетаний, свидетельствует о том, что образование и функционирование этого разряда лексики, участвующего в организации физико-географических имен, отличается наличием лексико-семантических полей, выделяющихся как самостоятельно, так и в параллельных рядах. Выявление этих полей отдельных номенклатурных единиц и синтаксических конструкций, образующих топонимические единицы и географическую терминологию карачаево-балкарского языка, тесно связанных с инвентарем апеллативных основ, является языковой моделью, типологически характеризующей внешние особенности ландшафта. Лексико-семантические поля свойственны нарицательным лексемам, употребляемым в различных частях топонимических конструкций, выступая базой для их образования. В наименовании номенклатурных основ со словом *баиш* активное участие принимают и инвентарные единицы морфологии в виде словообразовательных и словоизменительных морфем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск: УрГУ, 1986. 101с.
2. Башиева С. К., Кетенчиев М. Б. Особенности вербализации чувственного восприятия географических объектов в карачаево-балкарских топонимах // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2(102). С. 102–107. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-102-107.
3. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 230–234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50.
4. Текуев М. М., Хуболов С. М., Мизиев А. М. Отфитонимные микротопонимы в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 12. С. 82–87. DOI: 10.30853/filnauki.2020.12.17.
5. Мусуков Б. А., Улаков М. З., Махиева Л. Х. Лексико-семантические и синтагматические особенности тюркских географических названий и апеллативных лексем // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 4(102). С. 80–89.
6. Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. Москва: Эльбрусид, 2013. 576 с.
7. Кудайбергенов С. Числительные в составе киргизских топонимов // В кн. Ономастика Средней Азии. Фрунзе: Илим, 1980. С. 164–170.

Информация об авторе

Мусуков Борис Абдулкеримович, д-р филол. наук, вед. науч. сотр., зав. сектором карачаево-балкарского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

bmusukov@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

REFERENCES

1. Matveev A.K. *Metody toponimicheskikh issledovanij [Methods of toponymic research]*. Sverdlovsk: UrFU, 1986. 101 p. (In Russian)
2. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Features of verbalization of sensory perception of geographical objects in Karachay-Balkar toponyms. *Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]*. 2020. No. 2 (102). Pp. 102–107. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-102-107. (In Russian)
3. Tekuev M.M., Khubolov S.M., Miziev A.M. Verbose toponyms with a zoonymic basis in the Karachay-Balkar language and their lexical and grammatical characteristics. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 230–234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50. (In Russian)
4. Tekuev M.M., Khubolov S.M., Miziev A.M. Otphytonymous microtoponyms in the Karachay-Balkar language. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020. Vol. 13. No. 12. Pp. 82–87. DOI: 10.30853/filnauki.2020.12.17. (In Russian)
5. Musukov B.A., Ulakov M.Z., Mahieva L.H. Lexico-semantic and syntagmatic features of Turkic geographical names and appellative lexemes. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2021. No. 4(102). Pp. 80–89. (In Russian)
6. Khapaev S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaja i Balkarii [Geographical names of Karachay and Balkaria]*. Moscow: Elbrusoid, 2013. 576 p. (In Russian)
7. Kudajbergenov S. Numerals in the Kyrgyz toponyms. In the book: *Onomastika Srednej Azii [Onomastics of Central Asia]*. Frunze: Ilm. 1980. Pp. 164–170. (In Russian)

Information about the author

Musukov Boris Abdulkarimovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Karachay-Balkarian Language Sector, Institute for Humanitarian Research – branch Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

bmusukov@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>